

В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Неоценимую лепту в освобождение страны, разгром фашистской армии внесли женщины. Впервые в истории сотни тысяч советских тружениц одели солдатские шинели, взяли в руки оружие, чтобы защитить свой дом, свою землю.

Наверное, трудно найти военную профессию, которую не смогли бы осилить неистребимая женская пытливость и выносливость.

Разные дороги были у них на войне. Не всем довелось увидеть день Победы. Им, пришедшим с войны, затем пришлось принять тяжелую ношу: залечивать глубокие раны, оставленные войной. Под грузом войны и послевоенной разрухи они не согнулись, выдюжили. Не зачерствели их души, не окаменели их сердца, не лишила их война самого святого, материнства.

Многое пришлось испытать и преодолеть тем, кто со школьной скамьи шагнул в огонь Отечественной войны. Не пришлось Фене Стекловой из деревни Беляево Янтиковского района услышать чарующие звуки любимого «Школьного вальса». Вот что она вспоминает: «Война надломила жизнь нашей семьи. 8 мая 1942 года мы с отцом в один день уходили на фронт. Мать оставалась одна с двумя сестренками. На ее плечи ложился неизмеримый груз забот по хозяйству: заготовить на зиму корма для скотины, вывезти дрова, убрать урожай с личного подворья, выработать минимум трудодней в колхозе и получить на них немного продуктов. Не случайно отец, прошедший две войны, был крайне обеспокоен тем, в каком положении он оставляет семью, поэтому просил соседей по мере сил и возможностей помочь матери. С чувством боли и переживания за родных покидала я отчий дом.

Направили в Чебоксары в учебный полк, где готовились военные связисты. Разместили в здании школы, нары в три яруса. Девчата приехали из всех районов и городов нашей республики. Большинство из нас со школьных парт. Сменили гражданскую одежду на солдатскую форму. Занятия начались без промедления. Сформировали две группы «морзисток».

Вместе со мной в первой группе была Маша Прокопьева из Хучель, Фрося Иванова из нашего района, Таня Кондратьева из Шоркистр. Учебные классы размещались в подвальном помещении Двоя пионеров по ул. К. Маркса. Непросто давалась учеба. Сам аппарат Морзе не вызывал сложностей, да и азбуку Морзе нетрудно осилить. А вот работа на ключе требовала большого напряжения.

Трудно давался и курс стрелкового оружия и одиночного бойца. Нам сообщили, что сокращается срок подготовки телеграфистов и удлиняется режим учебного дня. Возросли требования к нам на скорость работы на ключе, четкость и достоверность передаваемых документов, умение на слух расшифровать принимаемый текст. Трудно давалась наука расшифровывания. Настал час расставания с учебным батальоном. Не думали, не гадали, что придет столько народу на речной вокзал провожать нас. Когда мы строем подходили к волжскому берегу, слышали звуки музыки, играл духовой оркестр. Среди провожающих были родные и близкие. Приехала и моя мама. Было много слез, переживаний, доносились всхлипывания: «Они еще дети, а их на фронт». Мы прощались со своей юностью, своей молодостью, так и не познав ее прелести, уходили с несбывшейся мечтой. Объявили посадку. Когда пароход дал прощальный гудок, вдруг оркестр заиграл всем известную песню «Вставай страна огромная».

Из Горького до Москвы ехали в пассажирском вагоне. Впервые я в столице. На путях Ленинградского вокзала уже стоял состав из крытых вагонов. Выдали сухой паек на двое суток. Пунктом конечной остановки был небольшой полуразрушенный городок - Малая Вишера.

Охалка сена и постель готова. Расположились в длинном сарае. Когда улеглись, то почувствовала с детства знакомый запах разнотравия. Невольно мысли унесли меня в родной дом и не заметила, как забылась крепким сном.

Неожиданно сквозь сон слышу, слово «подъем». Открываю глаза, вижу девочки поднимаются. Когда вышли на полянку, солнечные лучи слабо пробивали лесную толщу. Девчата умывались, горел костер, в ведре кипятился чай. от каши отказались, хотя у всех у нас были неиспользованные концентраты. Все, что осталось от полученного сухого пайка, домашних гостинцев, выложили на плащ-палатку старшего лейтенанта, пригласили и его к походному столу на траве. Затем отправились в дорогу. Она была трудной, проходила через болотистые места. Во второй половине дня мы прибыли в штаб. Расположен был он в лесу, в двух небольших домах. Узнали, что будем проходить военную службу в 123-ем отдельном полку связи 2-й ударной Армии Волховского фронта. Нас, троих морзисток, оставили в

полку, остальные направлялись в дивизии, в батальонные узлы связи. Когда пришли на место расположения и остановились около шалаша, откинув плащпалатку, из него вышла девушка. По возрасту немного постарше нас, черноокая, темноволосая. Это была Тося Глониная. Познакомились. Благодаря Тосе, все житейские проблемы были решены довольно быстро. Первый солдатский обед. Первая фронтовая ночь. Где-то вдали слышна канонада, ее отзвуки доносятся, словно раскаты грома, надвигающейся грозы. Мы узнали о трагедии 2-й ударной армии. Мясной Бор стал для ветеранов армии, вышедших из котла ада, точкой отсчета второго рождения. Немногим из полка связи удалось выйти из окружения. Особенно Тося переживала за своего земляка из Казани, известного татарского поэта Мусу Джалиля. Он работал в редакции армейской газеты «Отвага». Его статьи, стихи дышали высоким чувством любви к Родине, горечью и болью за поруганную землю. Он был частым гостем полка, пользовался узлом связи для передачи своих материалов не только в редакцию своей газеты, но и в «Красную Звезду».

Узел связи находился в двух километрах от нашего жилья. Место сравнительно возвышенное, поросшее молодыми деревцами, недалеко проходила дорога. Блиндажи были расположены в сравнительно большом удалении друг от друга. Нас представили старшине Ивану Никитину, после знакомства он устроил нам, как выразился, разминку после дороги. А по правде говоря, проверку, на что мы способны и какую работу нам можно доверять. Как оказалось, мы еще «сыроватый материал», и нас надо допекать. К счастью, армия была выведена на доукомплектование, хотя находилась во фронтовой полосе. Наш старшина, ветеран полка, знаток своего дела, тактично, без упрека восполнял наши пробелы в занятиях и практической работе на клочке.

В августе-сентябре 1942 года армия принимала участие в боях по прорыву блокады Ленинграда на Синявском направлении. Нелегко нам давался военный лексикон, не сразу воспринимали значение передаваемых и принимаемых донесений. Грохот канонады с каждым днем усиливался. Первый налет самолетов на наш узел. В борьбу с ними вступили зенитные установки. Падали бомбы, блиндаж заходил ходуном. Сработал инстинкт самосохранения, хотелось залезть под столик и прижаться к полу. Редкий день обходился без артиллерийского обстрела или налета авиации. Ведь рядом дорога, по которой шло снабжение войск. Видимо, знали немцы и расположение узла связи армии.

На всю жизнь в памяти отложилась встреча отца с сыном. Где-то во второй половине августа в наше дежурство у блиндажа остановилась легковая

машина. Думали, что приехал командир полка. Когда открылась дверь, вошел незнакомый генерал, мы все встали. Смотрим на лейтенанта Юру Афанасьева, а лицо у него как белое полотно. Вместо рапорта, в полном изумлении, подходит ближе к генералу и попадает в объятия: «Отец, ты вернулся!», «Сынок, и ты живой!» Слезы медленно скатываются по мужским осунувшимся лицам. Ветераны полка знали, что у лейтенанта Афанасьева отец генерал, начальник связи армии. Знали, что он не вышел из окружения. Неизвестность об отце не давала покоя сыну. Только сейчас снял эту боль и обрел душевное спокойствие.

Накал боев нарастал. Наши связисты, работающие на проводной телефонной связи, забыли об отдыхе. Район Синявино непрерывно подвергался артиллерийско-минометному обстрелу, авиационной обработке. Всю силу огня враг обрушил на прорвавшиеся наши части. Горели леса и торфяные болота, стоял густой едкий дым. Не давали покоя постоянные обрывы проводной связи, на их исправление посылали всех, кто был под рукой. Зачастую морзисткам приходилось работать на коммутаторах, после своей основной смены.

В обиходе солдаты называли Синявские высоты «Чертовыми высотами». С них немцы просматривали и простреливали всю низину. В таких условиях шло сражение за высоты, и они не были взяты. Единственным утешением было то, что Волховский фронт помог избавить ленинградцев от очередного штурма города. Обе стороны понесли потери. В конце сентября бои затихли. Начавшиеся дожди сделали невозможным проведение военных операций.

Наступивший 1943 год навсегда остался в памяти как год, когда ленинградцы, пережившие голодную блокаду, истерзанные артиллерийскими и авиационными налетами, получили участок сухопутной связи с Большой землей.

12 января началось одновременное наступление двух фронтов Волховского и Ленинградского по прорыву блокады. Утром началась артиллерийская подготовка. Стоял невообразимый гул, напоминающий раскаты грома, тяжелые хлопки выстрелов орудий стоящих за нами батарей. Около двух часов продолжалась канонада. И вдруг все стихло. Наш старшина изрек: «Пошла матушка-пехота, сколько похоронок она принесет?» В этой наступившей тишине-первые звуки нашей морзянки, сообщения из дивизионных узлов связи. После расшифровки мы обязаны донесения доставить на пункт сбора донесений (ПСД), который располагался на расстоянии 150-200 метров в отдельном блиндаже. Зима выдалась очень снежная,

морозы стояли умеренные. Видимо, немцы опомнились после артподготовки, открыли ответный огонь по нашим тылам. Не остался без внимания и наш узел.

Когда на второй день наступления пришли на смену, то трудно было узнать свое место. Все было перепаханно, молодые сосны выворочены с корнями, кругом воронки.

Блиндаж остался невредим. Девочки рассказали, что было два налета. Не успели принять дежурство, как прибежали за старшиной Иваном Никитиным. Вышел из строя центральный коммутатор. Открывается дверь, входят наши линейщики Леша Кравчук и Витя Шавкун, перепачканные, основательно промокшие, и быстрее к буржуйке.

Заговорила вновь наша артиллерия, стоит сплошной гул. Ответный огонь открыли и немцы, рвутся снаряды невдалеке от нашего узла. Обстрел все усиливался. Когда с последней морзянки сняли донесение, Тося их собрала, сказала: «Феня, отнеси на пункт сбора». Свернув донесение в трубочку, засунула за пазуху, вышла из блиндажа. Решила пробежать через поляну, поближе от ночных воронок. Откуда такая прыть, почти половину пути преодолела в один миг. И вдруг сзади взрыв страшной силы, сработал инстинкт, моментально юркнула в воронку. Когда прижалась ближе к холодной земле, сверху по спине град ударов, а в нос ударил неприятный запах пороховой гари, запершило в горле. Поднялась, в ушах стоит звон, отряхнулась от комьев мерзлой земли, вылезла из воронки, сделала еще один рывок, и вот совсем рядом снежная траншея, которая ведет в блиндаж.

Я открыла дверь, вошла вовнутрь. Отдала документы, хотела идти, но старший лейтенант остановил меня и сказал: «Сядь. Отдохни. Кончится обстрел, пойдешь». От взрывов тяжелых снарядов содрогается земля, трясет блиндаж, сверху, как через сито, просачивается земля. Наконец, наступила тишина. Когда вышла на улицу, не поверила своим глазам. Дымящиеся воронки, искалеченные деревья, снег почернел. Бегу к своему блиндажу. Жуткая картина: раскиданные бревна блиндажа, срезанные сучья от молодых сосен. Неожиданно, запыхавшись подбегает старшина Никитин и обреченно произносит: «Все, прямое попадание снаряда». Вот так погибли: Тося Глонина, Маша Бондаренко, Таня Назарова, Тоня Шувалова, Алексей Кравчук, Виктор Шавкун. Прибыли новые связисты. Работы было много, шли упорные бои, медленно с большими потерями пробивались два фронта на соединение. Только утром 18 января мы получили донесение из 372-й стрелковой дивизии о встрече с передовыми частями 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта. Семь дней и ночей шли непрерывные бои,

чтобы пройти четырнадцать километров и ликвидировать «бутылочное горло». Это была большая победа. Ленинградцы получили сухопутную связь с Большой землей.

До самого апреля шли изнурительные бои за расширение пробитого коридора. Наша армия была передана в состав Ленинградского фронта и стояла в обороне. Как только установилась погода, подсохли дороги, возобновились бои за расширение пробитого коридора и, прежде всего, за овладение Синявскими высотами. Только во второй половине сентября они были очищены от немцев.

Наша армия выведена в резерв фронта. В октябре наш полк перебросили в Ленинград. Здесь я своими глазами увидела, в каких невероятно трудных условиях приходилось жить ленинградцам.

В начале ноября началась переброска нашей армии на Ораниенбаумский плацдарм. Грузились на баржи с причала Лисьего Носа. Ночь, страшная темень, легкий морозец. Трапы скользкие, идешь на ощупь, спасибо морякам, они нас поддерживают. Как только закончилась погрузка, тронулись в путь через Финский залив до Ораниенбаума, под самым носом у немцев. Добрались до своего узла связи. Началась обычная фронтовая работа. Свободного времени почти нет. Наступил тот долгожданный день, когда войска Ленинградского фронта перешли в наступление, с тем чтобы полностью снять блокаду.

14 января 1944 года наша армия начала наступление. Тысячи орудий в течение двух часов обрушили сотни тонн раскаленного металла на позиции врага. Дрожит земля от выстрелов тяжелых орудий. Ответный огонь открывают и немцы. С дивизионных пунктов связи поступают первые донесения о прорыве первой полосы обороны врага.

На шестые сутки наша армия взяла сильно укрепленный опорный пункт Ропшу и встретилась с войсками 42-й армии. Жестокие бои шли за последний опорный пункт немцев, из которого они вели обстрел, - Гатчину. Только на исходе дня 26 января он был взят. 27 января официально было объявлено и о снятии блокады Ленинграда и избавлении жителей от изуверских обстрелов. Это была победа всего советского народа, и она оплачена дорогой ценой. Кончилась и наша «сидячая жизнь», темп наступления возрастал. Два-три раза в сутки перемещались командно-наблюдательные пункты в зоне действия передовых частей, а вместе с ними и мы. Войска торопились быстрее освободить свою землю.

Но путь к победе был еще длинный и кровавый, за каждый выгодный рубеж немцы сражались с ожесточением. В памяти свежи бои за Тарту -

небольшой красивый город. Здесь меня ранило.

В конце сентября наша армия встретилась на рижском побережье с войсками третьего Прибалтийского фронта, после чего была выведена в резерв. В конце ноября 1944 года нас передали в состав Второго Белорусского фронта, который находился на территории Польши. 14 января 1945 года началось наступление. С первых дней развернулись упорные бои, немцы понимали, что война стоит на пороге их дома.

Особенно тяжелые бои шли за крепость Данциг. Город со старинными фортами, опоясан внешним рвом, заполненным водой. Накал боев мы ощущали по потоку раненых, поступающих в полковой медпункт. После ранения я не могла работать на ключе и пока находилась на лечении, неплохо освоила обязанности медсестры. В новом качестве, я увидела подлинное лицо войны с ее кровью и людскими муками. 8 мая армия закончила бои после взятия города Штральзунда. Установилась непривычная тишина, только морские волны своим всплеском напоминали, что жизнь продолжается. Вдоль всего побережья искореженная, обгоревшая техника, разбитые ящики, лежат неубранные трупы. Картина бегства и разгрома. Знали, что взят Берлин. Все жили в ожидании окончания войны. Впервые за долгие годы солдаты спали без грохота взрывов, треска пулеметных очередей, хотя служба продолжалась. Под утро, когда самый крепкий сон, прибежали девчонки с узла связи, буквально толчками поднимают и радостно кричат: «Победа!» Они приняли по радио сообщение, что подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Выходим из дома, слышим непрерывные автоматные очереди. Это солдаты дают салют Победы. Трудно передать, что творилось в душе каждого. Радость, что ты остался живой и слезы по тем, кому не довелось увидеть этот день. В один из дней я со своими сослуживцами поехала в Берлин. Город лежал в руинах. Когда подъезжали к рейхстагу, были поражены скоплением народа. Все-таки сумели пробиться и оставить свои автографы на одной из колонн, сделав общую надпись «Мы из Ленинграда».

Но вот наконец я дома. Трудно жила деревня, многие подворья не ремонтировались, пообветшали, одежка держалась на заплатках. Об отдыхе думать забыла, водоворот забот втягивал в хозяйские дела. Молодость, а вместе с ней пришла любовь. В сельском клубе познакомилась с Валерианом. Он с фронта вернулся домой инвалидом, учился в Казани. Сыграли свадьбу и уехали в Казань, сняли частную квартиру. Денег не хватало, я устроилась на меховую фабрику скорняжницей. Трудно было жить, но фронтовая закалка помогла выдержать и это испытание. После

окончания университета мужа направили преподавателем физики и математики в Сугайкасинскую школу. Я устроилась в Канашторг. Жили на частной квартире. Вырастили троих детей, двое окончили Казанский авиационный институт и работают за пределами республики.

Война всегда в моей памяти, всегда со мной. По приглашению группы «Поиск» 524-й школы-гимназии Ленинграда мы в прошлом году поехали на празднование 50-летия прорыва блокады. С 7 по 10 мая 1993 года с мужем побывали на местах боев нашего 123-го отдельного ордена Александра Невского полка связи. Встретили нас хорошо. Состоялась встреча с однополчанами. Кого узнала сама, кто-то меня заключил в свои объятия. Не обошлось без слез. Приехал на встречу наш лейтенант Юра Афанасьев, капитан Миша Балашов, морзистка Катя Балахановская и многие другие. А сколько ветеранов за это время ушло из жизни! Возраст, груз перенесенного состарил и нас, но память многое сохранила. Когда пригласили в школьный музей, где собраны документы о боевом пути нашего полка, мы как бы заново вернулись в прошлое. Съездили мы и на места боев. Подъезжая к Волощинам, трудно было узнать местность. Раньше здесь проходила узкая жердевая дорога, а сейчас широкая асфальтированная. Автобус останавливается. Выходим. Время рубцует, затягивает раны, годы стирают многое из человеческой памяти. Но есть события, которые не забываются. Миша Балашов уверенно ведет нас на опушку леса. Стоило подойти поближе и оживает в памяти, что где-то здесь размещался узел связи. Только тогда был молодой лесок, а сейчас стоят могучие деревья. Балашов подзывает к себе и показывает место, где был наш блиндаж. Оказывается, он здесь не первый раз. Земля все затянула, только осталось небольшое углубление. Смотрю на могучие сосны, а на стволах сочится янтарная живица, как горькая слеза скорби по убиенным, двадцатилетним. У всех слезы.

Когда сели в автобус, никому не хотелось говорить, все как будто ушли в себя. Остановка в Пулковке, где находится братское кладбище. Сюда перенесены останки наших друзей. Среди сотен фамилий на холодной мраморной плите высечены и их фамилии. Возлагаем живые цветы. Через 50 лет они в нашей памяти остались двадцатилетними. Попытка найти расположение узла связи на реке Черная не увенчались успехом. Здесь все застроено.

Настал день расставания, он был трогателен, каждый из нас понимал, что, может быть, это последняя встреча. Возраст, недуги дают о себе знать, да и сама обстановка в стране не вселяет больших надежд. После приезда домой долго еще отходишь от пережитого на встрече.